

Глава 1

НОВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

Никто не получил никаких предупреждений. Всё началось внезапно и абсолютно неожиданно — для тех, кто мог бы наблюдать этот процесс на безопасном расстоянии. Однако единственным независимым наблюдателем для данного домена Мультиверса мог быть только его Создатель. Если бы он существовал. Остальные разумные системы не имели такой возможности, а если и спохватывались в какой-то момент, спастись от внезапного космического катаклизма не успевали.

Катаклизм же никакого отношения к водным пространствам не имел и представлял собой процесс инфляционного расширения, скорость которого намного превышала скорость света.

Ударная волна зародилась в определённой точке пространства-времени и прыгнула во все стороны, разрушая любые попадавшие на пути материальные структуры. После неё не оставалось ничего, кроме «чистого» вакуума, да и тот был «ложным», неустойчивым, поддерживающим процесс расширения колоссальными «отрицательными» давлениями.

Расширяющийся пузырь п о л н о й пустоты с каждым мгновением отвоёвывал у Вселенной всё но-

вые и новые пространственные объёмы. Из-за феноменальной скорости ударная волна фазового перехода вторгалась в пространство грозной стеной смерти. Ни световые сигналы, ни радиоволны, ни гамма-лучи, ни вообще какие бы то ни было причинные сообщения не могли опередить фронт ударной волны и предупредить живущих в этом метагалактическом домене существ о грядущей катастрофе. Впрочем, готовиться к ней было не только невозможно, но и бесполезно.

Внутри же самого расширяющегося пузыря изменялись до неузнаваемости все законы физики. Значения физических постоянных, величины фундаментальных взаимодействий и массы образующихся вслед за ударной волной элементарных частиц становились другими. «Старая» Вселенная с её версией физических принципов, к тому же начавшая расширяться ускоренно, хотя и не с таким бешеным градиентом, внутри пузыря прекращала своё существование.

Одна за другой гасли звёзды, попавшие под фронт ударной волны «вселенского потопа», превращаясь в прах, в излучение, в ничто. Гасли галактики. Тьма расползалась по космосу. В этой области Мультиверса росла странная «опухоль», внутри которой начинались процессы рождения и ных физических законов.

Однако по космологическим меркам пузырь иной метрики расширялся недолго, всего одну триллионную от триллионной долю секунды. Хотя его диаметр к этому моменту вырос до двух миллиардов световых лет — по нашим человеческим оценкам. Какая-то чудовищная сила остановила процесс инфляционного расширения, опираясь на

созданный ею обратный фазовый переход. Произошла необычная «аннигиляция» — не материи и антиматерии, но процессов противоположной направленности. И вновь образовавшийся пространственный пузырь — зародыш Мета вселенной с иными свойствами — застыл на короткое время... чтобы затем, «прогнув» пространство «старой» Вселенной, стать объектом другой мерности, обладавшей свойствами начальной сингулярности...

Случилось это задолго до появления человеческой цивилизации.

Глава 2

СТАНДАРТНАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

Красивая стоэтажная башня из стекла и цветных композитов на площади Жмудь-Самогитии, почти в центре Вильнюса, принадлежала широко известной в политических кругах мира организации НЕСПАСЕ — Новейшей Единой Системе Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Год назад эта организация громко заявила о себе небывалой инициативой, призвав заселять «безлюдные» районы России, в основном на севере Сибири, выходцами из перенаселённых районов Африки, арабских стран и Китая. Вновь созданное еврокомиссарами правозащиты, большинство которых были жителями малых прибалтийских стран, информационное агентство «Каккало» и древнее Общество по возвращению оккупационного долга СССР (что это такое, не помнили даже сами политики) «Пуккало» рьяно взялись развивать идею и сумели заинтересовать

многих радикально настроенных лидеров Европы, Азии и Африки, усмотревших в противодействии этому процессу со стороны России «ущемление» прав народов переселяться туда, куда им вздумается.

Разумеется, границы между государствами были давно упразднены, однако сами государства ещё существовали, а их правительства осуществляли функции управления, контроля и защиты коренного населения. В особенности это касалось передовых во всех отношениях стран, среди которых находилась и Россия. К две тысячи четыреста двадцать восьмому году её население составляло более двухсот миллионов человек, иммигрантов среди них насчитывалось всего около семи процентов, и это вызывало у евролидеров лютую зависть и слюновыделение, так как сама Европа к этому времени была заселена в основном афроазиатами «под завязку». Во всяком случае назвать Париж, Лондон, Брюссель или Хельсинки «тихими» городами было уже нельзя.

Переселение началось ещё в конце двадцатого века, опираясь на идеи «европейского антирасизма, равенства и братства», и уже в начале двадцать первого века французы, испанцы, немцы и англичане сполна вкусили этого «равенства», когда пришельцы с юга начали переделывать мир под себя, под свои обычаи, понятия и менталитет. С этими проблемами, только усугублявшимися из столетия в столетие из-за странных решений европейских правительств, Европа и дожила почти до середины двадцать четвёртого века, породив властные структуры ненавистнического характера, которыми командовали деятели из наиболее уязвлённых историей государств. Поэтому не стоило удивляться, что посре-

ди Вильнюса выросло здание, целиком отданное НЕСПАСЕ и её агентствам и обществам типа «Каккало» и «Пуккало». Последнее также занималось делами «политических беженцев» из России. Не стоило удивляться и тому, что деятельностью данных организаций интересовались спецслужбы сопредельных стран и Земной Федерации в целом. Хотя об этом все они предпочитали молчать. Потому что стоило им или даже просто криминальной полиции прижать бандитов, кормящихся с подачек тех же «Каккало» и «Пуккало», как по всем каналам видеоинформа Солнечной системы поднимался вой «правозащитников»: спецслужбы ущемляют права человека!

Шестого мая в десять часов утра по времени Вильнюса Игнат Ромашин вошёл в большой мраморный холл здания НЕСПАСЕ. Детекторы охранной системы здания не обнаружили в посетителе ничего опасного, как не отметили и никаких агрессивных или других негативных устремлений. Молодой человек приятной наружности, среднего роста по меркам двадцать четвёртого века (что соответствовало одному метру девяносто одному сантиметру), с бледноватым открытым лицом и шапкой выгоревших до цвета соломы волос, падающих на широкие плечи, был одет в стандартный уник под «летний шрезингер», серого цвета, с искрой, и нёс в руке коробку конфет. То, что это именно конфеты, интравизоры системы охраны установили точно. Они же выбросили зелёные сигналы на панель монитора главного инспектора безопасности, что говорило об отсутствии на теле парня какого-либо оружия. Браслет инкома с выходом на сеть Инсо-

ла — всеобщего Интернета Солнечной системы, оружием не являлся.

— Вы к кому, уважаемый господин, по какому делу? — возник рядом фантом ресепшн-офисера — вежливая молодая девушка в белом; говорила она по-литовски.

— Извините, я с жалобой, — стеснительно сказал Игнат по-английски. — Два дня назад я связывался с вашим представителем, меня обещали принять.

— Суть дела? — Девушка перешла на английский.

— Моя фамилия Пуустас, я художник. Мои предки жили в Кёнигсберге... э-э, в Калининграде, имели там усадьбу. Я хотел переехать туда. Сейчас я живу в Санкт-Петербурге.

— Чего же вы хотите от нас? — не потеряла официальной вежливости девушка.

— Чтобы мне вернули имение предков, — простодушно сказал Игнат. — Власти России мне отказали, и я подал иск в Страсбургский суд по правам человека и в вашу организацию.

— К кому вы обращались?

— К госпоже Нярис. Она обещала принять меня в...

— Да-да, проходите. — Ресепшн-система здания очевидно получила ответ на запрос идентификатора, подтвердившего всё, что говорил посетитель, и определившего его личность. — Идёмте, я вас провожу.

Игнат двинулся за девушкой, оглядываясь по сторонам, демонстрируя естественное любопытство к интерьеру. На самом деле он прекрасно ориенти-

ровался внутри башни и знал расположение всех кабинетов и залов.

Они сели в лифт с невидимыми стенками, который за пять секунд поднялся на двадцать первый этаж.

Посетителей в здании вообще было мало, но на этом этаже наличествовало некое оживление, и Игнат с интересом кинул взгляд на прибывающих в центральный холл этажа людей — мужчин и женщин в строгих костюмах.

Кольцевой коридор, опоясывающий центральный тубус башни с лифтами и лестницами, был залит ярким солнечным светом, льющимся через прозрачные панели от пола до потолка. С высоты шестидесяти трёх метров виден был весь Вильнюс, как его Старый город с костёлами, ратушами, православными церквями, древними готическими особняками и узкими улочками, так и новейшие застройки Нового города, где улицы отсутствовали вовсе.

Небо с этой высоты казалось бездонно-синим, глубоким и зовущим, и лишь потоки мерцающей золотистой пыли, текущие над городом, — транспортные магистрали, — слегка портили впечатление, напоминая о современной цивилизации.

Мимо целеустремлённо прошагала группа молчаливых мужчин.

Проводница Игната и он сам вынуждены были отступить к стене коридора.

— Извините, — проговорила девушка.

— Что это у вас сегодня, приёмный день? — любопытствовал Игнат.

— Совещание, — коротко ответила она.

Игнат проводил взглядом мужчин, которые в конце коридора свернули к двери, ведущей в конференц-зал.

— Идёмте.

Остановились перед одной из овальных дверей кремового цвета, с номером «11» на выпуклой верхней части.

Проводница отступила в сторону.

— Проходите, пожалуйста.

Дверь бесшумно разошлась множеством лепестков.

Игнат шагнул в кабинет.

Кабинет был пуст.

Девушка-офисер указала на стул у небольшого подковообразного стола:

— Присаживайтесь, пожалуйста. Чай, кофе, тоник?

— Спасибо, ничего не нужно.

— Госпожа Нярис будет через три минуты. Вам придётся подождать.

— Конечно, я подожду.

Девушка-офисер исчезла.

Игнат сосредоточился на экстрасенсорном восприятии, однако ничего особенного в рабочем модуле госпожи Нярис не обнаружил. В данный момент за ним наблюдала одна миниатюрная видеокамера, не имеющая выхода на монитор охраны. По видимому, управлялась она инком и выполняла некие подстраховочные функции, служа хозяйке кабинета дополнительным средством наблюдения за клиентом.

Игнат присел на краешек стула, положил руки на колени. Инк должен был видеть, что гость его гос-

пожи робок и собирается терпеливо ждать, пока на него обратят внимание.

В ухе проклюнулся тонкий голосок рации «спрута»:

«Совещание начинается».

«Активирую съём», — мысленно ответил Игнат.

С его плеча поднялось в воздух бесплотное облачко нанитов¹, струйкой устремилось к двери. Струйка нашла щель, просочилась в коридор и, никем не видимая и не ощущаемая, направилась под потолком коридора к двери в конференц-зал.

Перед глазами Игната развернулась полупрозрачная вуаль пси-передачи: коридор, человек, входящий в зал, ещё один, у двери — охранник-офицер, и женщина, шагавшая по коридору со стороны конференц-зала.

Порядок, работает.

Кластер нанитов, представляющий собой диффузный видеозонд, скользнул в зал.

Стал виден амфитеатр зала, небольшой, но роскошный, с мягкими креслами, обитыми малинового цвета инплюшем. Ряды кресел полукругом охватывали небольшое возвышение с прозрачным столом, создающим иллюзию хрустальной глыбы. За столом сидели трое: две женщины и мужчина в лиловом унике официал-юриста. Остальные гости занимали передние ряды амфитеатра. Всего их было двадцать шесть человек, в большинстве своём женщины.

— Братья и сёстры, — заговорила на английском

¹ Н а н и т ы — нанороботы; их размеры не превышают размеров нескольких десятков молекул.

одна из тех, что сидели за столом, пышноволося и пышногрудая блондинка. — Мы собрались, чтобы обсудить финансирование наших представительств и их положение в сопредельных государствах.

— В России, — уточнила её соседка — брюнетка с некрасивым мужеподобным лицом.

— Прежде всего в России, — согласилась блондинка. — К сожалению, нам сильно мешают её спецслужбы, в особенности УАСС и ГБ. Поэтому необходимо ввести в действие план по их ослаблению, разработанный нашим координатором по России.

— Детали я опушу, — начал осанистый, седовласый, с длинными баками джентльмен за столом. — В принципе эта идея давно пользуется заслуженной популярностью. Суть её в том, что нужна провокация. А уж потом наши агентства и подконтрольные нам средства массовой информации раздуют из этой искры пламя.

— Конкретнее, сэр Касьян, — кинул реплику ещё один мужчина, устроившийся в переднем ряду кресел.

Седовласый картинно откинул со лба прядь волос.

Игнат узнал его: это был известный в России адвокат, бывший премьер-министр Касьян Недбытый, прозванный Недобитым. Но того, что он является координатором НЕСПАСЕ в России, Игнат не знал.

— Конкретнее, — повторил Недбытый. — Российские власти неохотно дают разрешение иммигрантам на поселение. Даже в Сибири и на Крайнем Севере, не говоря уж о городах. Работу найти труд-

но, тем более что везде требуют специалистов. Поэтому молодые переселенцы не имеют возможности жить так, как хотят. Мы этим воспользуемся. В Карелии сейчас сформировалась крупная диаспора переселенцев из Афганистана. Нам пойдут навстречу и выделят в наше распоряжение группу молодых башибузуков, которые...

В кабинет вошла смуглолицая женщина средних лет с короткой причёской. У неё были крохотные глазки и узкие длинные губы, мерцающие голубой помадой. Это была Иоланта Нярис, ток-секретарь отдела внешних сношений НЕСПАСЕ.

Игнат встал, продолжая прислушиваться к речам в конференц-зале.

— Садитесь, садитесь, господин Пуустас, — махнула она рукой, устроилась за столом. — Мы получили ваши материалы. Дело весьма необычное и интересное. Расскажите подробнее, что происходит, как вы решились на судебную тяжбу с российскими чиновниками, как с вами работали властные структуры.

— Я тоже россиянин, — неловко прижал к груди ладонь Игнат, виновато улыбнулся. — Но мои предки были жмудинами и жили в...

Разумеется, это была «легенда», разработанная в недрах Управления внутренних расследований Службы безопасности, но она имела под собой хорошо отреставрированную документальную базу и не боялась проверок, ни внешних, ни внутренних. Игнат был уверен, что, прежде чем допустить его на приём к «правозащитникам» Ассамблеи, дело «о наследстве» было проверено очень тщательно. А поскольку его всё-таки приняли к рассмотрению, социологи НЕСПАСЕ усмотрели в нём перспективу.

Госпожа Нярис выслушала речь заявителя с участливым выражением лица. Она была хорошим физиономистом, к тому же ей передали полный психологический портрет гостя, поэтому секретарь точно знала, какую линию поведения стоит поддерживать. Не знала она только одного: что посетитель на самом деле был агентом группы «Соло» Управления внутренних расследований Федеральной Службы безопасности. Это задание — подслушать и записать заседание руководства НЕСПАСЕ по активному внедрению в Россию «вируса раздора» — мог выполнить только он, человек, не только специально обученный и подготовленный, но и умеющий поддерживать пси-связь без всяких дополнительных электронно-торсионных устройств.

— Хорошо, попытаемся вам помочь, господин Пуустас, — пообещала секретарь. — Страсбургский суд принял ваше заявление?

— Конечно, решение будет принято в течение месяца.

— Очень хорошо! Мы согласуем предложения и дадим вам знать. В настоящее время вы проживаете в Калининграде?

— Нет, в Санкт-Петербурге. Жилая «гроздь» сто три...

— Я имею в виду, вы в ближайшее время не собираетесь в длительное путешествие по Системе? — Госпожа Нярис улыбнулась. — Как художник?

— Собирался на выставку голландских мастеров в Амстердаме, — расплылся в улыбке Игнат. — Но я оставляю вам свой мобильный.

— Мы вас разыщем.

— Огромное спасибо! — Игнат поднялся, сделал

нечто похожее на книксен и пошёл к выходу. Спыхватился: — Ох, извините!

Вернулся в кабинет, протянул госпоже Нярис коробку конфет:

— Это вам.

— Положите на стол, — кивнула секретарь НЕСПАСЕ рассеянно: она уже разговаривала с кем-то по мобилу.

Игнат мог бы и дальше тянуть время, придумывая разные уловки для этого, но в конференц-зале главное уже было сказано, и оставаться в здании не было нужды.

Он вышел, неторопливо побрёл к холлу с лифтами, ощущая на себе липкие взгляды видеокамер.

Кластер нанитов сделал своё дело, выбрался из конференц-зала, догнал его и всосался в ткань уника на плече, по-прежнему оставаясь невидимым для мощной системы датчиков.

Через десять минут Игнат вышел из башни НЕСПАСЕ на площадь Адамкуса, сел в такси, и жёлто-полосатый куттер перенёс его к шпилью общественного метро.

Никто за ним не следил. В этом Игнат был убеждён, не ощущая на своей персоне никаких «печатей» внимания. Дезинформация, тщательно подготовленная специалистами УВР, сработала отменно, и в НЕСПАСЕ заявителя приняли как реально существующее физическое лицо.

Через минуту он был в Петербурге. Сел в такси, как обыкновенный пассажир, добрался до жилой «грозди» под номером сто три, высившейся над Финским заливом, неторопливо поднялся к себе на сорок девятый этаж.

Группа поддержки доложила, что «хвоста» не обнаружила, и он поблагодарил дежурного за классное сопровождение.

В небольшой стандартной квартире с динамическим интерьером, который можно было перестраивать в очень широком диапазоне форм, его ждали двое: отец Артём, выглядевший в свои пятьдесят с лишним лет максимум на тридцать, и начальник группы «Соло» Кирилл Бондарь, сухощавый, крупноголовый, с костистым сухим лицом.

Игнат выдержал два вопросительных взгляда, переоделся в домашний фешн, налил себе берёзового сока, медленно выцедил.

Гости внимательно следили, как он это делает.

— Всё нормально, — наконец сказал он. — Меня проверяли три раза, но операнд прошёл без сучка и задоринки. Могу продемонстрировать запись.

— Показывай, — сказал Артём.

Сразу после рождения сына двадцать пять лет назад, которому он и Зари-ма дали имя деда — Игнат, Артём закончил Украинскую Юракадемию и с тех пор служил этик-юристом Управления внутренних расследований. В иерархии Службы безопасности его должность была второй после Директора, а следовательно, он был выше по званию командира группы «Соло», хотя формально и подчинялся ему.

Облачко нанитов, дремлющее на специально подготовленном «стартовом» поле уника, подчиняясь мысленному приказу Игната, покинуло своё пристанище, собралось в невидимую кластер-структуру, формируя своеобразный диффузный инк.

Эта наноструктура всосалась в гнездо эмкана на «шишке» вириала домашнего инка.

Стена гостиной напротив дивана, где сидели руководители СБ, обрела глубину и превратилась в объёмный виом, внутри которого протаяла слегка подрагивающая панорама конференц-зала НЕ-СПАСЕ.

— Братья и сёстры, — заговорила на английском языке блондинка за столом в центре зала. — Мы собрались...

Артём и Кирилл переглянулись.

— Это мы удачно зашли, — проговорил Бондарь с усмешкой.

— Сама Мамаша, — кивнул Артём.

Блондинка была Президентом Ассамблеи, и то, что она лично приняла участие в совещании руководителей НЕСПАСЕ, говорило о важности поднимаемых проблем.

— Вы слушайте, а я пока искупаюсь. — Игнат направился в туалетный модуль, стаскивая на ходу футболку.

Когда он вернулся, гости о чём-то негромко беседовали, компьютер был выключен. Оба посмотрели на него.

— Хорошая бомба, — кивнул Артём на поигрывающую искорками «шишку» вириала инка. — Нам есть что предъявить деятелям НЕСПАСЕ. Так что объявляю благодарность за службу, поручик.

— Служу Отечеству! — вытянулся Игнат и страшно довольный сел напротив отца. — Хотя всё это было несложно. Хвалить надо группу подготовки и сопровождения. Я почти ничем не рисковал.

— И ты отлично сработал, майор, — качнул голо-

вой Бондарь, посмотрев на старшего Ромашина, прищурился. — Вообще ваша фамилия стоит того, чтобы её золотыми буквами вписали в анналы спецслужб.

— Не надо, — усмехнулся Артём. — Это секретная информация.

— Что правда, то правда, — согласился начальник группы «Соло». — И всё же вы потомственные витязи русского Рода, всю жизнь сражавшиеся во имя его идеалов и традиций. — Он посмотрел на Игната. — А насчёт риска... мы дважды посылали агентов высокого класса в логово НЕСПАСЕ, и оба они провалились. Так что успех налицо. Ты достойный продолжатель дела отцов и дедов. Лидеры Ассамблеи спят и видят себя владыками России, продолжая пакостить нам всеми доступными им методами. Недавно они вызверились за то, что мы отказались от импорта их продуктов. Теперь, благодаря тебе, мы получили инструмент, который остудит самые горячие головы в Европе. Ты давно не был в глубинке отечества? В том же Магадане, к примеру?

Игнат неуверенно глянул на отца.

— Я бываю в Ярославле... в Каменке... это городок на Мезени.

— Там у нас родичи живут, — пояснил Артём.

— Ну, вот, неужели не видел, как там ведут себя переселенцы из Азии и с разного рода югов?

— Да я никуда не выхожу, — признался Игнат; Ромашин-старший усмехнулся. — Если не считать заповедника. Там места красивые.

— Домосед, значит? — удивился Бондарь. — Не-

ужели не тянет к молодёжи, в клуб какой-нибудь сходить?

— Я изредка бываю в «Бумеранге»...

Игнат имел в виду видеоигровой клуб.

— Он хороший эмпор, — сказал Артём. — Как-нибудь я покажу тебе галерею его скульптур. Что касается поведения переселенцев в России, то нечто подобное было и в Европе, во Франции и Германии, да и в Норвегии веком позже. Как говорится, Африка пришла в Европу и осталась там навсегда. Как и триста лет назад, и двести, и сто, Африка, Китай и арабские страны перенаселены и мечтают о покорении свободных территорий. Там, где появляются их этнические поселения, начинается уничтожение культуры аборигенов, и процесс этот очень болезненный. Перенаселённым государствам ООН предлагает программу иммиграции на другие планеты Системы, но они туда переселяться не хотят.

Бондарь кивнул.

— Не хотят начинать с нуля. Не хотят ни работать, ни обустраивать места жительства на новых территориях. А у нас всё уже обустроено, всё работает, население мирное и доброе.

— Можно и потеснить.

— Деятели НЕСПАСЕ пытаются выглядеть гуманнее ангелов.

— На самом же деле это волки в овечьей шкуре.

Оба посмотрели на Игната.

— Кстати, я пообещал госпоже Нярис быть в Амстердаме в ближайшее время, — напомнил он.

— Не волнуйся, в Амстердаме будет господин Пуустас, ничем не отличимый от тебя, — сказал Бондарь. — Мы позаботимся об этом. До среды ты

свободен. Готовится операция по зачистке Серых Братьев в Великобританских Эмиратах, ты понадобишься мне в среду утром.

Игнат пожал плечами.

— Я готов.

Речь шла о так называемом Ордене Серых Братьев, который представлял собой теневое правительство Европы. Именно Орден управлял деятельностью парламентской Ассамблеи Европы и добивался ослабления России как мирового лидера.

— Не вижу радости на твоём лице, — задумчиво сказал Артём. — По-моему, ты не удовлетворён своей работой. Есть какие-то сомнения?

— Он недоволен тем, что обошлось без драки, стрельбы и погони, — улыбнулся Бондарь.

Игнат промолчал, хотя это стоило ему некоторых усилий.

Начальник группы одобрительно кивнул.

— Правильно, молчи побольше, но держи наготове аргумент, и ты далеко пойдёшь.

— Особенно если аргумент — «универсал», — добавил Артём. — Или в крайнем случае — дубинка.

Мужчины подмигнули друг другу.

— Лучше молчать и слыть идиотом, — бесстрастно сказал Игнат, — чем заговорить и развеять сомнения.

Бондарь выпятил губы.

— Сам придумал?

— Прочитал у классика, наверно, — сказал Артём. — Ладно, не будем больше тебя раздражать. Приводи себя в порядок, отдыхай, слетай в Каменку к бабушке. Позвони маме.

— Я к ней забегу на полчаса.

— Было бы славно.

Мужчины поднялись с дивана. Бондарь бросил взгляд на красивую асимметричную конструкцию в углу гостиной, похожую на прозрачно-бликующий силуэт летящей птицы с тающими белыми перьями. Он уже знал, что это творение Игната, выразившего в голографической скульптуре ощущение полёта. Молодой человек действительно был замечательным эмоцио-художником, но при этом умел находить в оперативной службе не меньше удовольствия, чем в творческой работе. Это удивляло и заставляло задумываться над тягой человека к экстриму. Хотя, с другой стороны, род Ромашиных и в самом деле издревле славился целенаправленной деятельностью на благо защиты Отечества, да и человечества в целом, и решение Игната продолжить дело отца и дедов выглядело вполне естественным. А возможностей у него было больше, потому что экстрасенсорный запас Игната заговорил в нём с детства и позволил стать не только витязем-защитником, мастером единоборств, обладающим врождённым чувством мгновенной оценки ситуации и адекватного ответа на вызовы социума, но и воином покоя, способным выиграть бой до его начала. Игнат мог разрядить любую напряжённую обстановку, не доводя её до открытого столкновения, и Бондарь, убедившись в этом, проникся к нему глубоким уважением.

Мужчины вышли.

— Ты ему ничего не сказал о новом деле, — посмотрел на спутника Артём.

— Пусть отдыхает, — рассеянно пробормотал Бондарь. — Я чувствую, что нас ждёт очень непростая проблема.

«Горизонт чист», — доложил по радиации командир группы сопровождения, опекавшей руководитель СБ.

Мужчины поднялись на площадку авиаобслуживания дома, сели в белый неф с красно-синими полосками, и под взлетевшим аппаратом развернулась панорама Финского залива.

Глава 3

ЦЕННЕЕ ЖЕРТВЫ

Двадцать пять лет, проведённые в тюрьме, изменили его и внешне и внутренне.

Из самоуверенного и агрессивного молодого человека с хамскими замашками Ульрих Хорст превратился в угрюмого, молчаливого, спокойного с виду мужчину с гипертрофированно развитыми мышцами; все двадцать пять лет он усиленно занимался спортом и рукопашным боем и смог бы, наверно, выступать в соревнованиях. Но его целью было нечто иное — м е с т ь, о чём он, разумеется, ни с кем не говорил.

По совокупности преступлений, которые он совершил четверть века назад во время войны с неземными роботами — «джиннами» и моллюсками, ему грозило пожизненное заключение. Однако Всеевропейская Комиссия по помилованию изучила содержание арестанта, отсидживающего срок в ганноверской тюрьме особого режима, и сочла возможным выпустить его на свободу «за отличное поведение и духовные устремления». Что подразумевалось под этим, эксперты Комиссии не объясняли.

Но факт оставался фактом: седьмого мая две тысячи четыреста двадцать восьмого года пятидесятилетний Ульрих Хорст вышел за периметр тюрьмы.

Надо сказать, что за время сидения Ульриха в тюрьме европейскими правозащитниками не раз поднимался вопрос изменения системы исполнения наказаний, вплоть до отмены тюрем. Но здравый смысл тех, кто понимал последствия таких изменений, неизменно брал верх. Мало того, появились юридически обоснованные программы ужесточения наказаний за чудовищные с точки зрения морали преступления, а в России даже возник Общественный Совет по изучению преступлений, предлагавший отменить мораторий на смертную казнь.

И Ульрих затаил злобу даже на этот Совет, решив «примерно наказать» его деятелей за их убеждения. По мнению членов Совета, преступник в последние времена стал ценнее жертвы, так как любой маньяк, убивший десятки человек, оставался жить, пусть и за решёткой (хотя условия содержания преступника в тюрьме заметно улучшились со времён последней революции), в то время как его жертв воскресить было уже невозможно. В Соединённых Штатах Америки высшей мерой наказания по-прежнему была смертная казнь, да и в южноазиатских странах тоже. Европа же отстаивала свои позиции, позиции «гуманизма и терпимости», из-за чего пережила не один разгул преступности и уже склонялась к тому, что «терпимость имеет пределы».

Ульрих готов был серьёзно поговорить и с европейскими носителями идей ужесточения наказаний, поскольку боялся смерти до судорог и свято верил в «светлые головы гуманистов-правозащит-

ников», игравших на его стороне. Прикидываясь агнцем, жаждущим жить по человеческим законам, он возненавидел духовника тюрьмы, который изо дня в день вдалбливал в головы арестантов азбуку Нового Евангелия: «Не существует господствующей расы. Не существует величайшей нации. Не существует истинной религии. Не существует совершенной философии». Этого человека Хорст решил после своего условно-досрочного освобождения мучить долго и жестоко.

Седьмого мая в одиннадцать часов утра по местному времени он впервые глянул на ганноверскую тюрьму со стороны, как турист, толпы которых действительно осматривали это гигантское здание как некую достопримечательность. Сознание на несколько секунд поплыло, будто Ульрих хлебнул алкоголя, о котором мечтал двадцать пять лет.

Сопровождавший его опекун заботливо поддерживал бывшего узника тюрьмы под локоть:

— Вам плохо?

Ульрих, смахнув с ресниц слезу, выдернул локоть. Потом, вспомнив созданный им для судей имидж «изменившегося духовно» человека, виновато поклонился опекуну:

— Простите... свежий ветер... голова закружилась...

Он огляделся.

Площадь напротив стены здания, похожего на старинную крепость, пестрела всеми цветами радуги: гостей Ганновера приносили и уносили десятки разнокалиберных аэробусов, и, казалось, здесь располагается знаменитейший древний собор, а не

специально сконструированное узилище для содержания особо опасных преступников.

Ульриха никто не встречал. Да он и не ждал никого, зная отношение родни к его судьбе. За двадцать пять лет ни один родственник не посетил его в тюрьме, кроме матери, что послужило дополнительной причиной разгорающихся в душе страстей. Родственников он тоже решил не щадить, в особенности деда Селима фон Хорста, если тот был ещё жив.

— Хотите где-нибудь присесть? — участливо поинтересовался опекун.

— Благодарю вас, не нужно. Я хочу домой.

— Вы имеете в виду гостиницу?

Ульрих сжал зубы. О доме он мог только мечтать. Личного жилья как такового не было, так как всё его имущество было конфисковано. Жить у матери не хотелось, поскольку это лишало его необходимой независимости. Ему предлагали такой вариант, но он отказался. Поэтому служба опекунства ЕСИН — Европейской системы исполнения наказаний просто сняла ему гостиницу в Потсдаме, по его просьбе, следуя букве закона, и теперь ему предстояло долгое время жить в гостинице в ожидании снятия с личного дела грифа «условно-досрочное освобождение». Только после этого он мог стать добропорядочным гражданином Европы, не требующим особого надзора.

— В гостиницу.

Ульрих невольно потрогал пальцем браслет на левой руке.

Снять браслет он не мог. Это был аппарат физического и социального контроля за поведением вы-

пущенного на свободу человека. И с ним надо было мириться, пряча замыслы и чувства, потому что любая попытка освободиться от бдительного ока операторов ЕСИН мгновенно вернула бы его на нары.

Опекун вызвал систему доставки.

Рядом опустился оранжевый пинасс службы контроля, в борту аппарата протаял проём дверцы.

Ульрих и опекун заняли места в прозрачной изнутри кабине.

Пинасс взлетел. Под ним распахнулась панорама Ганновера двадцать четвёртого века.

Ульрих жадно завертел головой, ища признаки изменений в архитектурных ансамблях современного городского пейзажа. Однако ничего особенного не увидел.

Всё те же башни, жилые и административные, созданные с помощью геном-технологий по «био-моделям природы» и потому напоминающие природные образования: кораллы, кисти винограда, кипарисы, насекомых, птиц и рыб. Всё та же толчея летающих аппаратов в воздухе. Всё те же белесые шпаги орбитальных лифтов, пронзающие атмосферу тут и там. Добавились разве что какие-то конструкции немислимых геометрических сочетаний, но и те представляли собой жилые модули и бизнес-центры, облик которых был хорошо известен Ульриху по видео.

Пролетели мимо одного такого архитектурного монстра, созданного с виду из ртути и жидкого стекла, уходящего «парусами» в небо на пятикилометровую высоту.

— Офис мирового бренда пива «Наклюк-Вэ», — кивнул на башню опекун.

Оглавление

Глава 1. НОВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП	5
Глава 2. СТАНДАРТНАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ	7
Глава 3. ЦЕННЕЕ ЖЕРТВЫ	24
Глава 4. ВСКРЫТИЕ ПОКАЖЕТ.	45
Глава 5. ПОСТАВЬТЕ ВСЕХ «НА УШИ»	66
Глава 6. ПОЛЮС НЕДОСТУПНОСТИ.	86
Глава 7. НАНИТНАЯ АТАКА	109
Глава 8. НА МЕРКУРИИ ВСЕ СПОКОЙНО	120
Глава 9. СМЕРТЬ МЕНЯ ПОДОЖДЁТ	140
Глава 10. ИЗ ДВУХ ЗОЛ	156
Глава 11. КУДА, КУДА ВЫ УДАЛИЛИСЬ	175
Глава 12. НАША СЛУЖБА И ОПАСНА, И ТРУДНА	195
Глава 13. УММ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ УМНЫМ	202
Глава 14. УММ ДОЛЖЕН БЫТЬ УМНЫМ (продолжение)	224
Глава 15. ТЫ НА ОЧЕРЕДИ	238
Глава 16. МОСТ В ПРОШЛОЕ	249
Глава 17. ТЕРРОРИЗМ НЕ ПРОЙДЁТ!	269
Глава 18. ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ.	281
Глава 19. СКОРАЯ ПОМОЩЬ.	299
Глава 20. Я ВАС ХОЧУ, ЧЕГО ЖЕ БОЛЕ?	311
Глава 21. РАЗВЁРТКА «СВИСТА».	320
Глава 22. ПЕРЕХОД	331
Глава 23. НЕ БУДИТЕ В НЁМ ЗВЕРЯ	343
Глава 24. ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ!.	354
Глава 25. НАДЕЮСЬ	375